

Copyright © 2015 by Sochi State University

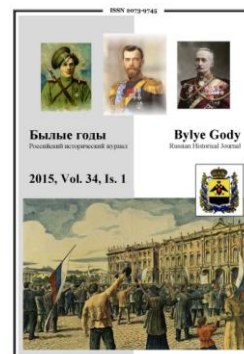
Published in the Russian Federation
Bylye Gody

Has been issued since 2006.

ISSN: 2073-9745

Vol. 35, Is. 1, pp. 116-123, 2015

<http://bg.sutr.ru/>

UDC 93/94

National School of Udmurtia in the Beginning of the XX century (in the Context of the Russo-Japanese war and the First Russian Revolution)

¹ Lucia A. Volkova

² Irina V. Rubanova

¹ Glazov State Pedagogical Institute, Russian Federation
Pervomajskaya street 25, Glazov, Udmurt Republic, 427621
Dr. (History), Professor
E-mail: snovaluyciya@mail.ru

² Glazov State Pedagogical Institute, Russian Federation
Pervomajskaya street 25, Glazov, Udmurt Republic, 427621
PhD (History), Assistant Professor
E-mail: ivladu@mail.ru

Abstract

The creation and development of the national school in Russia had long and complex, controversial and dramatic history. The activities of the national school and the educational community have followed national trends in pre-revolutionary Udmurtia (in Glazovsky, Elabuga, Malmyzh and Sarapul uyezds of Vyatka province). The educational process here was based according with the four "Rules..." of the education of non-Russian peoples of the Empire, adopted in 1870, 1906, 1907 and 1913. Used complex published materials and archival documents shows that the positive trend observed in the second half of the nineteenth century, in the early XX century has stalled. However, Udmurt language was used in the system of Christian education at the local level. Secular elementary school in process of education used Russian language. The events of the Russo-Japanese war (1904-1905) and the First Russian revolution (1905–1907) changed the educational course.

Keywords: national school; educational reform; the Russo-Japanese war; the Russian revolution; instruction in native language; Udmurts; the Udmurt language; Vyatka province; the pre-revolutionary Udmurtia.

Введение

Школа в России всегда являлась одним из важнейших инструментов национальной политики государства, и особое место в ней занимало просвещение нерусских народов. Оно развивалось под влиянием общественно-политических, экономических и социально-культурных модернизационных процессов, развернувшихся в российском обществе с Великими реформами 1860-х годов. Реформы ускорили внедрение нерусских народов в систему рынка и капиталистических отношений, расширили этносоциальные и этнокультурные связи, активизировали их участие в культурной консолидации российского общества. В связи с этим в структурах власти осознавалась необходимость пересмотра образовательной политики, как комплекса законодательных, административных, социально-культурных и педагогических мер. На протяжении второй половины XIX – начала XX вв. разрабатывалось несколько концепций «педагогической системы образования инородцев» и были приняты четыре законоположения: «О мерах к образованию населяющих Россию инородцев» (1870 г.); «Правила о начальных училищах для инородцев, живущих в восточной и юго-восточной России» (1906 г.); «Правила о начальных училищах для инородцев» (1907 г.); «Правила о начальных училищах для инородцев» (1913 г.). Большая часть этих «Правил...» создавались в сложных

внутриполитических условиях начала XX века под давлением мощного революционного и общественного движения.

Материалы и методы

Исследование развития национальной школы и педагогического сообщества дореволюционной Удмуртии (Глазовский, Елабужский, Малмыжский, Сарапульский уезды Вятской губернии) строилось на изучении комплекса архивных источников, хранящихся в трех российских региональных архивах (Сарапул, Ижевск, Киров), а также опубликованных документов законодательного и распорядительного характера. Первичная информация получена из региональных историографических работ. Для анализа изучаемых вопросов использованы элементы историко-ситуационного, историко-ретроспективного, сравнительно-исторического, проблемно-хронологического методов. Они позволили увидеть школьную жизнь в контексте конкретной исторической эпохи и обстановки, выявить общероссийские тенденции и специфические проявления в развитии дореволюционной национальной школы, определить степень воздействия исторических событий и фактов на систему образования, оценить с позиций современной действительности прогрессивность и исторические результаты проводимых реформ

Обсуждение

Необходимо отметить, что современная региональная историография освободилась от однозначной тенденциозной оценки дореволюционной государственной политики национального образования, как христианизующей и русификаторской. Многие работы отмечают позитивную роль образования в создании удмуртской национальной литературы, профессиональной культуры и формировании интеллигенции. Мы видим свою задачу в акцентировании воздействия русско-японской войны (1904–1905 гг.) и Первой русской революции (1905–1907 гг.) на изменение образовательного курса страны и национального образования в дореволюционной Удмуртии.

Результаты

Государственная политика реформирования национального образования опиралась в своей основе на концепцию, изложенную министром народного просвещения Д.А. Толстым в докладной записке на имя императора Александра II. Записка, составленная под заглавием «О мерах с образованием населяющих Россию инородцев» (1870 г.), стала своеобразным итогом обследования состояния школьного дела в стране, а именно, – в районах с «разноплеменными» народами, входящими в состав Казанского и Одесского учебных округов. Оказалось, в частности, что нерусское население Урало-Поволжья живет в условиях интенсивного воздействия не только православного русского, но и тюркского населения и исламской культуры. Цель образования министру виделась в «сближении инородцев с коренным русским народом». Задача заключалась в «утверждении в православной вере» путем постепенного распространения русского языка. По причине конфессионального разделения нерусских народов («инородцы-христиане и татары-магометане») система образования должна была учитывать эту специфику. При этом обучение «инородцев-христиан» также имело свои особенности в зависимости от «большей или меньшей степени обрусения». Большинство православного нерусского населения Вятской губернии (удмурты, марийцы, бесермяне, коми-пермяки) относились к группе «весьма мало обруселых и почти не знающих русского языка». Поэтому проект реформы национального образования предусматривал первоначально преподавание в школах этой группы на родном языке ребенка. На языке учащихся предполагалось издание учебной литературы – букварей и книг для чтения, текстов молитв, кратких рассказов из священной истории Ветхого и Нового Завета, и иных религиозно-нравственных книг. Детальная разработка учебного плана и определение продолжительности обучения поручались местному училищному начальству. Данный документ представлял собой своеобразную учебную программу (стандарт), поясняющую общие педагогические принципы изучения языка, чтения и письма. А методика внедрения этих принципов на каждом конкретном уроке являлась прерогативой учителя-священнослужителя «со знанием местного инородческого наречия», на которого возлагались надежды на практическое осуществление реформ, как знающего этнопсихологические и педагогические особенности учеников [1].

Идейным вдохновителем и действительным автором этой первой государственной реформы национального образования можно назвать Н.И. Ильминского, известного просветителя и миссионера, профессора Казанского университета и Казанской духовной академии, создателя и первого директора Казанской инородческой учительской семинарии (1872 г.). Семинария с трехлетним курсом подготовки учителей действовала как закрытое учебное заведение на 240 учеников. Из них 120 мест отводилось русским и 120 – представителям местных народов Казанского учебного округа: мордвы, марийцев, удмуртов, чуваш и татар-кряшен в пропорциональном соотношении к общему числу народа [2].

Выработанные Ильминским оригинальные принципы обучения нерусских детей, названные «системой христианского просвещения», легли в основу выше охарактеризованного проекта. Важное место в системе отводилось церковному пению на родном и церковно-славянском языках, как учебно-

методическому приему и педагогическому принципу. Такое религиозное обучение учитывало психологию учащихся-удмуртов, в национальной культуре которых важное место занимало хоровое пение. По окончании семинарии воспитанники получали свидетельство на звание учителей начальных народных сельских училищ и церковно-приходских школ. Для удмуртской культуры Казанская семинария сыграла важную роль. За 1872–1918 гг. её окончили около ста будущих представителей удмуртской интеллигенции. Среди них – просветитель М.П. Прокопьев, первый удмуртский писатель и поэт, переводчик «Интернационала» на родной язык. Учителя И.С. Михеев и И.В. Яковлев – профессиональные педагоги, преподаватели образцовой начальной школы для удмуртских детей при Казанской учительской семинарии. Они стали авторами учебников и учебных пособий для удмуртских и других нерусских начальных школ России. Например, методическое пособие И.С. Михеева «Сочинение по картинкам. Для упражнений в сочинении и изложении мыслей в школе и дома в 10 книжках», издававшееся 19 раз, по словам А.Н. Уварова, использовалось в преподавании в национальных школах учебных округов Поволжья, Сибири, Средней Азии, Кавказа, Алтая и даже в русско-арабских школах Палестины. Михеев разработал методику обучения русскому языку с опорой на родной удмуртский язык. По его «Букварю для вотских детей» учащиеся изучали удмуртский алфавит, учились читать, писать. Затем переходили к изучению русского языка как учебного предмета и метода обучения [3]. Учитель И.И. Шкляев стал революционером, агитатором и пропагандистом социал-демократических идей среди крестьян края. Священник В.Д. Крылов известен как учитель, миссионер, редактор первой удмуртской газеты «Войнаысь ивор» («Вести с войны»). Будучи председателем Глазовского культурно-просветительного общества удмуртов в период между Февральской и Октябрьской революциями, Крылов способствовал внедрению родного языка в духовно-церковное и светское школьное образование. По его инициативе с 1917 г. удмуртский язык стал преподаваться в среднем образовательном звене – в мужской и женской гимназиях, и в среднем профессиональном учебном заведении – учительской семинарии г. Глазова [4].

Качество преподавания и успешность усвоения программы детьми в разных местностях и у разных этнических групп были разными. Они зависели от многих причин: активности епархиального, земского и иного руководства в осуществлении национального образования, объема вложения финансовых и материальных средств, от степени подготовленности учителей, от наличия учебно-методического комплекса. В то же время можно отметить черты, объединявшие национальную школу страны и Вятской губернии. Во-первых, она функционировала лишь в начальном звене общеобразовательных учебных заведений, принадлежавших Министерству народного просвещения, Русской Православной церкви и земству (одно- и двухклассные школы и училища; духовные училища, церковно-приходские, братские, миссионерские и школы грамоты). Во-вторых, наибольшее участие в развитии национальной школы проявила церковь, которая заботилась, прежде всего, о «нравственности и религиозности» инородцев и лишь потом – о распространении среди них грамотности. В-третьих, необходимость создания учебной литературы активизировала переводческую и издательскую деятельность не только в церковно-православной, но и в светской сфере духовной культуры. Высоко оценивая труды Вятской и Казанской переводческих комиссий, сторонник обучения удмуртов на родном языке священник М. Елабужский отмечал, что за 2–3 года Казанская комиссия на удмуртском языке выпустила 10 брошюр «повторительными изданиями», много переводов вышло впервые (Жития св. Пантелеймона, Мамонта, Серафима, Апостола Петра, Апостола Павла, несколько брошюр назидательного характера, История нашего спасения во Иисусе Христе..., Четвероевангелие на удмуртском языке) [5]. Кстати, активным и, пожалуй, самым заинтересованным членом переводческой комиссии был И.С. Михеев. Благодаря ему, были изданы в 1904, 1906 и 1907 гг. светские ежегодники-календари на удмуртском языке («Удмурт кылын календарь»), содержащие сельскохозяйственные рекомендации крестьянам, небольшие тексты поучительного и нравственно-этического характера. Призывая родителей обучать детей в церковно-приходских школах и не бояться православных миссионеров, И. Михеев, как и М. Елабужский, считал, что «русификация, «слияние» – это все «политика», а главное заключается в возможности получить образование на родном языке и стать гражданами страны [6].

Отмечая вклад православной церкви в удмуртское национальное образование, подчеркнем еще раз, что большинство начальных школ создавалось и содержалось церковно-приходскими попечительствами. Попечительские деньги школ складывались из средств, выделяемых государством, вырученных церковью от продажи свеч и огарков, «кошельковых» и «кружечных» пожертвований прихожан. В начале XX в. особенно впечатляющими оказались результаты миссионерских школ с четырехлетним сроком обучения, содержимых Вятским комитетом православного миссионерского общества. Миссионерское общество поддерживало учителей национальных школ и регулярно освещало их работу на страницах епархиальных ведомостей. В годы русско-японской войны комитет ходатайствовал перед штабом Казанского военного округа об освобождении от действительной службы учителей-миссионеров, следуя примеру директора народных училищ Вятской губернии об освобождении «всех вызванных по случаю мобилизации на действительную службу учителей земских школ». Так, мобилизованный учитель Кутешской миссионерской школы Малмыжского уезда с 10-летним стажем П.К. Туганашев рекомендовался

православной церковью как образцовый учитель. В прошении утверждалось, что «ввиду недостатка таких людей, потеря его для организации миссионерского дела была бы чувствительна и ничем не вознагражима». Благодаря этому прошению Туганашев, рядовой 2 роты 226 запасного пехотного батальона, размещенного в Вятке, вернулся к своим прямым обязанностям. С прошением перечислить в запас обратился также рядовой 1-й роты того же батальона Е. Скулкин, который до мобилизации служил помощником учителя Больше-Нолишкинской церковной школы Уржумского уезда [7]. Последствие данного прошения проследить не удалось. Однако другие архивные документы подтверждают положительный результат отсрочки мобилизации или освобождения учителей от воинской службы. Например, правление Сарапульского духовного училища, воспользовавшись данным правом, продлило перед уездным воинским начальником удостоверения учителей А.И. Чернышева, Н.К. Чистосердова, Л.Ф. Худяковского, занимавших «освобождаемую от призыва должность», несмотря на то, что срок службы в армии названных учителей давно истек [8]. Выпускники названного духовного училища становились не только священниками, но и учителями церковно-приходских и иных школ, в которых осуществлялось национальное образование. Следовательно, востребованность учителей-священников осознавалась административными органами губернии.

Однако поступательное развитие национальной школы было недолгим, а количество обучающихся детей росло медленно. По подсчетам, в 1904 г. в Вятской епархии насчитывалось 73 миссионерские школы с 2439 учащимися. 37 школ располагались на территории «удмуртских» уездов. Здесь обучался 1381 ученик (1110 мальчиков и 271 девочка). Из них 38 % составляли ученики-татары (очевидно, татары-кряшены – авт.), 32 % – удмурты, 15 % – русские, 10 % – марийцы и 6 % – бесермяне [9]. Материальное обеспечение этих школ оставляло желать лучшего. Занятия проводились «в наемных квартирах, в крестьянских грязных, темных, сырых избах», в которых не соблюдались элементарные санитарно-гигиенические нормы содержания детей. Не хватало самых необходимых учебников и учебных пособий. Учителя инородческих школ, как правило, «получали весьма ограниченное вознаграждение в 40–100 руб. в год» и жили в маленьких квартирах, состоявших из одной комнаты, «холодной, сырой, угарной, грязной и с прокисшей пыльной классной атмосферой» [10].

Национальная интеллигенция в лице учителей и священнослужителей, следующая принципам Ильминского в обучении, испытывала материальные и моральные трудности, что не замедлило сказаться в активизации их политического сознания и поведения. Учительство Вятской губернии в условиях ухудшения социально-экономического положения, поражения государства в русско-японской войне в сочетании с административными преследованиями, превратилось «в одну из самых неблагонадежных групп вятской профессиональной интеллигенции» и, как следствие, приняло широкое участие в революции 1905–1907 гг. Антиправительственные настроения выражали от 20 до 67,7 % учителей [11]. Большие нарекания общественности вызывало недостаточное финансирование школ, и перекладывание государством их содержания на родителей учащихся. Требуя четырехгодичного обучения всех детей школьного возраста, учителя считали педагогически целесообразным в течение первых двух лет пользоваться родным языком и одновременно проводить уроки разговорного русского языка как подготовку к русскоязычному обучению в последующие два года. В связи с этим предлагали в школе иметь двух учителей, методически подготовленных к работе с нерусскими учениками. Таким образом, учителя становились рупором идеи новой образовательной реформы с введением принципов всеобщности и общедоступности, обязательности и бесплатности начального образования. Перечисленные принципы получили официальное утверждение в уставе Всероссийского союза учителей и деятелей по народному образованию (июнь 1905 г.). Относительно национального образования в нем декларируется «свобода преподавания на родном языке населения во всех типах школ». Учителей поддержал учредительный съезд Всероссийского крестьянского союза (июль 1905 г.), признав право преподавания на местных языках, увеличения курса начального обучения до 5 лет, распространения бесплатного государственного образования и на девочек [12].

Проблемы школы и образования активно обсуждались на местах в ходе выборов депутатов I и II Государственной Думы от Вятской губернии. Так, крестьяне Чутырской, Шарканской, Сосновской волостей Сарапульского уезда вместе с требованием предоставления демократических прав каждому человеку, достигшему 20-летнего возраста «без различия пола, национальности и вероисповедания», заявили о необходимости «ввести всеобщее обязательное обучение на государственный счет» [13]. Вопросы инородческого образования регулярно обсуждались на заседаниях Глазовского уездного земского собрания. Благодаря активной общественной позиции учителей-членов Глазовского общества вспомоществования учащимся и учителям, многие ученики получали земскую стипендию на обучение. Деятельность одного из членов общества, – перводумца, учителя Тугбулатовского начального училища П.Ф. Целоусова, уже становилась объектом исследовательского внимания. Нами подчеркивалось, что депутатство удмурта Целоусова в I Государственной Думе – это следствие новых принципов национальной политики правительства: веротерпимости, равноправия всех подданных Российской империи независимо от национальности [14]. Сохранившиеся материалы следственного дела позволяют проследить политическую позицию Целоусова. В частности, при обыске, устроенном становым приставом, у него были обнаружены «нелегальные сочинения» – три брошюры: «Воля»,

«О социализме», «О налогах», черновые рукописи статей в губернскую либеральную газету «Вятская жизнь». Учитель ездил по деревням Глазовского уезда с разъяснением Манифеста 17 октября 1905 г. о гражданских свободах, и вел, по сути, антиправительственную пропаганду, призывая к тому, что «государя нужно выбрать из среды народа» и «следует с богатых взysкивать налоги больше, чем теперь, а с бедных брать меньше». В статьях для газеты освещал жизнь крестьян и оценивал работу школ, отмечая низкое качество обучения удмуртских детей на русском языке. Он писал, что при всем старании учитель не сумеет обучить и воспитать ребенка на чужом языке. Сначала нужно обучить его читать и писать на родном языке, затем постепенно переходить на русский язык [15].

Социально-политические волнения, которые охватили Россию, диктовали необходимость либерализации национальной политики и, соответственно, национальной школы с выработкой иной целевой установки (интегрирующего компонента) в образовании. В связи с этим были выработаны новые «Правила о начальных училищах для инородцев, живущих в восточной и юго-восточной России», утвержденные 31 марта 1906 г. министром народного просвещения И. Толстым. Устанавливались три вида инородческих училищ с разными сроками обучения: первоначальные (школы грамоты) с 2-х годичным курсом; начальные одноклассные с 4-х годичным курсом и начальные двухклассные с 6-ти летним обучением. Отныне заведование национальной школой доверялось не только священнику-законоучителю, но и светскому учителю. Основным упор вновь был сделан на религиозно-нравственное воспитание и сближение нерусских народов с русским, и формирование общегражданского самосознания «на почве любви к общему Отечеству». Учебными предметами у удмуртских детей являлись: Закон Божий, церковнославянское чтение, грамота на родном языке, русский язык, счет и пение. Как видим, новые правила сохранили право преподавания на местных языках и обучение грамоте на «природном языке» народа. При этом обязательным условием было изучение русского государственного языка, преподавание закона божия и светских предметов на русском языке. В примечании к недельной таблице уроков отмечалось, что в школе грамоты язык преподавания – родной, в одноклассной и двухклассной школах на 3-й и 4-й годы обучения – русский, а «природный язык детей употребляется в помощь к нему». Русский разговорный вводился уже во втором полугодии 1-го учебного года. При этом правила учитывали степень знания детьми русского языка, и учебный план формировали в соответствии с этим обстоятельством [16].

Однако новые правила просуществовали недолго из-за противодействия мусульманского населения. «Правила о начальных училищах для инородцев» (1907 г.), принятые взамен предыдущего, не внесли ничего нового в деятельность удмуртской национальной школы. Одна из главных целей – распространение русского языка и сближение инородцев с русским народом – не была достигнута. Общественная мысль России критиковала национальную школу (в основном – церковно-приходскую), связывала ее с отсталостью и косностью, акцентируя внимание лишь на религиозности и церковности образования. Более современной в научно-методическом плане считалась светская школа. Кстати, уездные земства Вятской губернии одними из первых в стране выдвинули идею введения всеобщего начального обучения в земской школе. Её приоритетность подчеркнул «Положение о высших начальных училищах» (1912 г.), обещавшее всем гражданам дать законченное начальное образование (четырёхклассный четырёхлетний курс). Положение узаконило обучение на русском языке, оставив изучение родного языка в качестве дополнительного необязательного предмета [17]. Данное положение подтвердили «Правила о начальных училищах для инородцев» (1913 г.). Согласно этим правилам, отменялась система «христианского просвещения» Н.И. Ильминского, как исчерпавшая свой педагогический потенциал. Правда, Закон Божий сохранялся как учебный предмет. В нерусских школах принцип первоначального обучения на родном языке исключался или вводился более ранний срок обучения русскому языку (после трех месяцев). Более того, было отменено требование обязательного владения учителем языком своих учеников. Учебный план не учитывал степень знания учениками-инородцами русского языка и унифицировал образование по всей стране. Однако внедрению новой системы, как впрочем, реформированию в целом системы российского образования, помешала Первая мировая война. Правда, даже в условиях войны на местах деятельность национальной школы не прекращалась. Например, в самом большом уезде Вятской губернии, с населением почти 400 тыс. чел. (с преобладанием сельских жителей) Глазовском, насчитывалось 120 начальных училищ, из них 11 русских, 84 смешанных и 25 инородческих (удмуртских, татарских, бесермянских, коми-пермяцких). Школы нуждались в учителях не только с гимназическим образованием (Глазовская женская и мужская, Слободская женская), но и с профессиональной педагогической подготовкой. В связи с этим, по решению Вятского губернского земства была открыта Глазовская мужская учительская семинария (1915 г.), «полуинородческой» (удмуртской) направленности, а в Сарапульской женской семинарии были учреждены несколько стипендий для обучения учительниц для татарских школ [18].

Заключение

На примере истории удмуртской школы видно, что образовательная политика не всегда отличалась последовательностью и зачастую носила противоречивый характер, что снижало

эффективность работы образовательных учреждений на местах. Важнейшее стремление развивать просвещение и культуру национальных меньшинств на родном языке тормозилось политикой русификации и христианизации. Тем не менее, политику государства по отношению к национальному образованию можно обозначить как многовариантную. Она строилась с учетом культурного развития нерусских народов. Формировались кадры учителей, создавался фонд учебной литературы, язык использовался в учебном процессе. Либеральная образовательная политика во многом стала следствием общественного и революционного движения начала XX в. Принятые Правила и Положения регламентировали соотношение этнического и русско-российского (общенационального) компонентов в школьном образовании, тем самым юридически закрепляли право нерусских народов просвещаться на родном языке. Более того, национальное образование способствовало формированию этнического и гражданского самосознания.

Благодарности

Статья подготовлена в рамках исследовательского проекта: «Дальний Восток стал для нас очень близким»: Вятская губерния в годы русско-японской войны (1904–1905 гг.) (Исследование особенностей и закономерностей деятельности региона в условиях войны») при финансовой поддержке Минобрнауки РФ. Регистрационный номер 6.5655.2011.

Примечания:

1. Доклад министра народного просвещения Д. А. Толстого «О мерах с образованием населяющих Россию инородцев» (1870 г.) // Хрестоматия по истории педагогики. Сост. Н.А. Желваков. Т. IV. Ч. II. М., 1936. [Электронный ресурс]. – Режим доступа: [http://www. biografia. ru/knigi.html](http://www.biografia.ru/knigi.html) (дата обращения 03.11.2014).
2. Доклад министра народного просвещения Д. А. Толстого «О мерах с образованием населяющих Россию инородцев» (1870 г.) // Хрестоматия по истории педагогики. Сост. Н.А. Желваков. Т. IV. Ч. II. М., 1936. [Электронный ресурс]. – Режим доступа: [http://www. biografia. ru/knigi.html](http://www.biografia.ru/knigi.html) (дата обращения 03.11.2014).
3. Уваров А.Н. Югдытисьёс. Удмурт литературалэн кылдэмез сярсысь очеркъёс (Просветители. Очерки о зарождении удмуртской литературы). Ижевск, 1994. С. 34.
4. Центральный государственный архив Удмуртской Республики (ЦГА УР). Ф. 121. Оп. 1. Д. 35. Л. 3.
5. Волкова Л.А. Из истории миссионерства и просвещения народов в дореволюционной России // Альманах современной науки и образования. № 7 (62). 2012. С. 27.
6. Национальный архив Республики Татарстан (НА РТ). Ф. 93. Оп. 1. Д. 1484. Л. 3.
7. Государственный архив Кировской области (ГАКО). Ф. 208. Оп. 1. Д. 925. Л. 1–1 об., 4–4 об.
8. Архивный отдел администрации г. Сарапула (АОАГС). Ф. 5. Оп. 1. Д. 1467. Л. 5–5 об.
9. Очерки истории Вятской епархии (1657–2007): 350 лет Вятской епархии. Вятка: Буквица, 2007. С. 307.
10. НА РТ. Ф. 93. Оп. 1. Д. 1484. Л. 1 об.; Журнал Глазовского уездного земского собрания. XXXVIII очередной сессии. Вятка, 1904. С. 227.
11. Бандура Н.В. Политическая и социально-психологическая эволюция народного учительства Вятской губернии (90-е гг. XIX в.–1914 г.): автореф. дисс. ... канд. ист. наук. Пермь, 2003. С. 11–12.
12. Устав Всероссийского союза учителей и деятелей по народному образованию // Хрестоматия по истории педагогики. Сост. Н.А. Желваков. Т. IV. Ч. II. М., 1936. С. 318; Постановление Учредительного съезда Всероссийского крестьянского союза // Там же. С. 290–291 [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <http://www.biografia.ru/knigi.html> (дата обращения 03.11.2014).
13. Хрестоматия по истории Удмуртии. Под ред. В.В. Майера. – Ижевск: «Удмуртия», 1973. С. 82.
14. Волкова Л.А. Крестьянское движение в Вятской губернии в контексте Первой русской революции // European social science journal=Европейский журнал социальных наук. М., 2013. 9 (36). Т. 2. С. 366–367.
15. ЦГА УР. Ф. 217. Оп. 1. Д. 12. Л. 7–8; Ф. Р–1072. Оп. 1. д. 1. Л. 80–81.
16. Правила о начальных училищах для инородцев, живущих в Восточной и Юго-Восточной России С. 7–8. [Электронный ресурс]. – Режим доступа: [http://www.knigafund.ru /books/ 120672/ read#page10](http://www.knigafund.ru/books/120672/read#page10) (дата обращения 03.11.2014).
17. Правила о начальных училищах для инородцев, живущих в восточной и Юго-Восточной России [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <http://www.knigafund.ru/books/122323> (дата обращения 03.11.2014); Положение о высших начальных училищах С. 338 // Хрестоматия по истории педагогики. Сост. Н.А. Желваков. Т. IV. Ч. II. М., 1936 [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <http://www.biografia.ru/knigi.html> (дата обращения 03.11.2014).
18. Высшее педагогическое образование в Глазове / Сост. В.В. Беляев, В.А. Сыркин. Глазов: Изд-во Глазов. гос. пед. ин-та, 1999. С. 8.

References:

1. Doclad ministra narodnogo prosveshcheniya Tolstogo D.A. "O merah s obrazovaniem naselyaushchih Rossii inorodtzev" (1870 g.) // Hrestomatiya po istorii Rossii. Sost. Zhelvakov N.A. T. IV. Ch. II. Moscow, 1936 [Elektronnyi resurs]. – Rezhim dostupa: <http://www.biografia.ru/knigi.html> (data obrashchehiya 03.11.2014).
2. Doclad ministra narodnogo prosveshcheniya Tolstogo D.A. "O merah s obrazovaniem naselyaushchih Rossii inorodtzev" (1870 g.) // Hrestomatiya po istorii Rossii. Sost. Zhelvakov N.A. T. IV. Ch. II. Moscow, 1936 [Elektronnyi resurs]. – Rezhim dostupa: <http://www.biografia.ru/knigi.html> (data obrashchehiya 03.11.2014).
3. Uvarov A.N. Utdytic'yos, Udmurt literaturalen kyldemez syarys' ocherk'yos (Prosvetiteli. Ocherki o zarozhdenii udmurtskoi literaturi). Izhevsk, 1994. S. 34.
4. Tsentral'nyi gosudarstvennyi arhiv Udmurtskoi Respubliki (TSGA UR). F. 121. Op. 1. D. 35. L. 3.
5. Volkova L.A. Iz istorii missionerstva i prosveshcheniya narodov v dorevolutsionnoi Rossii // Al'manah sovremennoi nauki i obrazovaniya, #7 (62). 2012. S. 27.
6. Natsionaliny arhiv Respubliki Tatarstan (NART). F. 93. Op. 1. D. 1484. L.3.
7. Gosudarstvennyi arhiv Kirovskoi oblasti (GAKO). F.208. Op. 1. D. 925. L.1-1 ob., 4-4 ob.
8. Arhivnyi otdel administratsii g. Sarapula (AOAGS). F. 5. Op. 1. D. 1467. L. 5-5 ob.
9. Ocherki istorii Vyatskoi eparhii (1654-2007): 350 let Vyatskoi eparhii. Vyatka: Bukvitsa, 2007. S. 307.
10. NART. F. 93. Op. 1. D. 1484. L. 1. Ob.; Zhurnal Glazovskogo uezdnogo zemskogo sobraniya. XXXVIII ocherednoi sessii. Vyatka, 1904. S. 227.
11. Bandura N.V. Politicheskaya i sotsialino-psihologicheskaya evolutsiya narodnogo uchitel'stva Vyatskoi gubernii (90 gg. XIX v. – 1914 g.): avtoref. diss. ... kand. ist. nauk. Perm, 2003. S. 11-12.
12. Ustav Vserossiiskogo souza uchitelei i deyatelei po narodnomy obrazovaniyu // Hrestomatiya po istorii pedagogiki. Sost. Zhevalkov N.A. T. IV. Ch. II. M., 1936. S. 318; Postanovlenie Uchreditel'nogo sezda Vserossiiskogo krest'yanskogo souza // Tam zhe. S. 290-291 [Elektronnyi resurs]. – Rezhim dostupa: <http://www.biografia.ru/knigi.html> (data obrashchehiya 03.11.2014).
13. Hrestomatiya po istorii Udmurtii. Pod red. Maiera V.V. – Izhevsk: "Udmurtiya", 1973. S. 82.
14. Volkova L.A. Krest'yanskoe dvizhenie v Vyatskoi gubernii v kontekste Pervoi Russkoi revolutsii // Evropeiskii zhurnal sotsialnykh nauk. M., 2013. 9 (36). T. 2. C. 366-367.
15. TSGA UR. F. 214. Op. 1. D. 12. L. 7-8; F. R- 1072. Op. 1. D. 1. L. 80-81.
16. Pravila o nachal'nykh uchilishchah dlya inorodtsev, zhivushchih v Vostochnoi i Ugo-Vostochnoi Rossii. S. 7-8. [Elektronnyi resurs]. – Rezhim dostupa: <http://www.knigafund.ru/books/120672/read#page10> (data obrashchehiya 03.11.2014).
17. Pravila o nachal'nykh uchilishchah dlya inorodtsev zhivushchih v Vostochnoi i Ugo-Vostochnoi Rossii. [Elektronnyi resurs]. – Rezhim dostupa: <http://www.knigafund.ru/books/120672/read#page10> (data obrashchehiya 03.11.2014); Poloxhenie o vysshikh nachal'nykh uchilishchah. S. 338 // Hrestomatiya po istorii Rossii. Sost. Zhelvakov N.A. T. IV. Ch. II. Moscow, 1936 [Elektronnyi resurs]. – Rezhim dostupa: <http://www.biografia.ru/knigi.html> (data obrashchehiya 03.11.2014).
18. Vysshee pedagogicheskoe obrazovanie v g. Glazove / Sost. Belyaev V.V., Syrkin B.A. Glazov: Izd-vo Glazov. Gos. Ped. In-ta, 1999. S. 8.

УДК 93/94

Национальная школа Удмуртии в начале XX века (в контексте русско-японской войны и Первой русской революции)

¹Люция Аполлосовна Волкова

²Ирина Владимировна Рубанова

¹ Глазовский государственный педагогический институт, Российская Федерация
427621, Удмуртская Республика, г. Глазов, ул. Первомайская, 25
Кандидат исторических наук, профессор
E-mail: snovaluciya@mail.ru

² Глазовский государственный педагогический институт, Российская Федерация
427621, Удмуртская Республика, г. Глазов, ул. Первомайская, 25
Кандидат исторических наук, доцент
E-mail: ivladu@mail.ru

Аннотация. Создание и развитие национальной школы в России имело длительную и сложную, полную противоречивых и драматичных страниц, историю. Общероссийским тенденциям подчинялось и функционирование национальной школы и педагогического сообщества дореволюционной Удмуртии (Глазовский, Елабужский, Малмыжский и Сарапульский уезды Вятской

губернии). Образовательный процесс здесь строился в соответствии с четырьмя «Правилами...» просвещения нерусских народов империи, принятыми в 1870, 1906, 1907 и 1913 гг. Привлеченный к изучению комплекс опубликованных материалов и архивных документов показывает, что положительные тенденции, наблюдаемые во второй половине XIX века, в начале XX века затормозились. Тем не менее, на локальном уровне удмуртский язык использовался в системе христианского просвещения. Светская начальная школа была русскоязычной. На изменение образовательного курса оказали влияние события русско-японской войны (1904–1905 гг.) и Первой русской революции (1905–1907 гг.).

Ключевые слова: национальная школа; реформы образования; русско-японская война; Первая русская революция; обучение на родном языке; удмурты; удмуртский язык; Вятская губерния; дореволюционная Удмуртия.